

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ЖИ
РЫ**

представляют
увлекательную серию
Анастасии Логиновой
«Детективъ минувших лет»

Анастасия Логинова живет на Урале,
по образованию юрист, но сколько себя
помнит, сочиняла истории. Любимый
жанр – исторические детективы
с романтической линией. Хобби –
дизайн обложек для сетевых авторов.

Анастасия очень любит птиц
и разводит волнистых попугайчиков.
Имеет большое собрание
коллекционных кукол.

КНИГИ АНАСТАСИИ ЛОГИНОВОЙ

Цикл «Лидия Тальянова. Записки барышни»

«Загадка для благородной девицы»

«Гувернантка с секретом»

«Незнакомка с родинкой на щеке»

«Тайны мадам Дюбуа»

Цикл «Кошкин. Сыщик Российской империи»

«Слезы Черной вдовы»

«След Белой ведьмы»

Цикл «Мир Ордэне»

«Алмазная пыль»

«Сердце Ворона»

АНАСТАСИЯ
ЛОГИНОВА

СЕРДЦЕ
ВОРОНА

Издательство АСТ
Москва

Пролог

Каменный Ворон встрепенулся. Облаком взмыла вверх черная с серебряной искрой пыль, что прежде крепким панцирем укрывала иссиня-черные перья, голову и мощные когтистые лапы. Ворон медленно, не торопясь, переступил с одной лапы на другую. Наклонил вбок маленькую голову, ничем уже не отличаясь от живой птицы.

Тысячу раз Лара слышала эту историю от няньки Акулины, и ведь верила — всем сердцем верила каждому ее слову! Но все равно не чаяла глядеть на то собственными глазами.

— Ты видишь это? Видишь, Конни? — не выдержав, зашептала девочка и судорожно вцепилась пальцами в холодную ладошку друга.

— Чшш! — прозвучало строгим ответом.

И то правда.. Лара запоздало выругала себя: Ворон их заметил. Быстро повернул голову, и его правый глаз поймал лунный свет. Замер, уставившись точно на детей.

Ей-богу, он изучал их в этот самый миг и о чем-то думал — Лара могла бы поклясться в этом собственной жизнью!

Но мальчик крепче сжал ее ладонь, и Лара подумала, что, не будь его рядом, она бы тотчас умерла от страха. Впрочем, если бы не Конни, то Лары и вовсе не было бы на Ордынцевском кладбище в такой час..

А потом Ворон взмахнул крыльями и плавно сорвался с насиженного места. Он двигался бесшумно и зловещим карканьем не собирался нарушать тишину. Словно до сих пор был неживым.

Полетел, конечно, к Замку. Замок на побережье называли Ордынцевскую усадьбу — за зубчатые стены и высокую круглую башню, сплошь увитую плющом. В той башне жил и скончался старый граф — последний из рода Ордынцевых. А еще колдун, как рассказывала о нем нянька Акулина.

Акулина тоже старая. Прежде служила экономкой в усадьбе и видела графа еще живым — высоким, чернобровым красавцем с таким взглядом, что... в этом месте рассказа нянька всегда залихватски говорила: «Ух!» Улыбалась, и ее морщинистые, иссушенные морским ветром щеки покрывались легким румянцем.

«Это ж сколько было бы нынче старому графу лет?..» — задумалась вдруг Лара и, тихонько шевеля губами, принялась подсчитывать.

Да не досчитала: Конни с решительностью, перед которой девочка благоговела всей душой, скомандовал:

— Идем.

Он бесшумно спрыгнул с ветки могучего дуба, где дети устроили выжидательный пункт. Чуть пригнув голову и не разгибая колен, побежал напрямик к склепу — старинной графской усыпальнице, на верхушке которой прежде и восседал каменный Ворон, сделавшийся нынче живым.

Лара тоже прыгнула, почти не колеблясь. Раньше надо было раздумывать, когда Кон объявил ей о споре с мальчишками из Болота, что проникнет в графскую усыпальницу. А теперь-то что толку?

Правда, девочка запуталась в юбках и преобольно ударилась коленкой о выступающий корень дуба. Но не ойкнула даже — сцепив зубы, прихрамывая, засемила следом.

— Учти, вздумаешь реветь — живо домой отправлю. К мамочкиной юбке! — строго-настрого предупредил Кон перед их вылазкой.

Девочке тогда стало страсть как обидно. Она и сама знала про себя, что плакса, — но зачем лишний раз попрекать? И если уж приспичит, то скорее она побежала б к няньке Акулине, чем к маме Юле. Матушка-то ей реветь тоже запрещает, еще поостроже Кона.

Потому и решила девочка, что как бы ни было страшно там, в склепе, как бы ни тряслись ее коленки и чего б она ни увидела — не вскрикнет. И уж точно не расплачется. Ей-богу, лучше умрет на месте!

...Дверь старинной усыпальницы подалась на удивление легко: всего трижды Кон ударил по навесному замку булыжником. Пахнуло могильным духом и сырой землей. Кон и тот замешкался. Но упрямо свел брови и опять скомандовал:

— Идем.

Внутри, не размыкая рук, помогая друг другу, дети долго спускались по выщербленной каменной лестнице. Пока не осознали — пришли. Внизу было темно хоть глаз выколи. В проем распахнутой двери усыпальницы немного проникал бледный свет луны, но он освещал только лестницу, а стоило сойти с нее, как детские фигуры погрузились во тьму.

— Эх, лампы бы сюда!..

— У меня спички есть, Конни! — Лара нащупала в кармане юбки коробок.

— Толку здесь от спичек.. — проворчал тот. — Ладно, давай, управлюсь как-нибудь. А ты постой на лестнице, не мельтеши.

Лара восхитилась догадливостью друга, когда тот поджег сразу три спички, соорудив маленький факел, — и тогда свет сполохами озарил часть каменной кладки стены, на которой даже можно было разглядеть паутину и то, ради чего дети явились сюда. Громоздкие каменные надгробия, числом не менее десяти.

— Как же мы найдем нужный, Конни?..

— Здесь таблички с датами. Старик ровно восемь лет назад помер, в тысяча восемьсот девяносто первом. Не

боись, я сам искать буду — а ты на лестнице постой, сказано ж тебе!

Разумеется, мальчишки из Болота потребовали добыть доказательство, что Конни и впрямь побывал в усыпальнице. А точнее, он должен был сдвинуть крышку с гроба старого колдуна, а после сказать им, какого цвета сюртук на мертвеце. Федька, заводила и самый старший из них, хвастался, что был на похоронах колдуна и видел, в какого цвета сюртук его обрядили. Соврать не удастся. А значит, Лара, как верный друг, обязана Кона поддержать..

Вот и сейчас, оставленная в безопасном месте подальше от гробниц, Лара взмолилась:

— Конни, но я помочь хочу, отчего ты мне запрещаешь?

— Трусишка, — по-своему растолковал ее порыв Конни.

Но возражать более не стал.

Да и не слишком он грешил против истины: Ларе и впрямь страшно было стоять одной. Со второй попытки она тоже подожгла три спички разом и, затаив дыхание, стараясь меньше думать о том, что делает и где находится, глазами отыскала строчки на ближайшем к ней надгробии.

И сперва отказалась себе верить.

«Николай Григорьевич Ордынцевъ. Родился въ 1860 г., скончался въ 1891 г.»

Неужто вот так? Сразу?

— Конни, я нашла, нашла... — горячо зашептала девочка.

Лара потянулась туда, где мгновение назад еще стоял ее друг, но пальцы ощутили лишь холодную тьму подземелья. Рядом никого не было.

Сколько это продлилось — мгновение? больше? Ларе показалось, что она вечность стоит одна возле гробницы.

А потом чей-то шумный выдох затушил ее спички.

У Лары дробно застучали зубы. Собственным обещанием не кричать она уж готова была поступиться — да только голос будто пропал. Девочка не могла вымолвить ни звука.

И слава богу. Поскольку ее глаза, начавшие привыкать к темноте, вдруг ясно угадали очертания лица Кона совсем рядом с нею. Он приложил палец к губам и прошепел:

— Чшш!

А потом указал кивком на лунную дорожку, бледно освещающую лестницу.

Бледно — но этого хватило, чтобы сперва углядеть две человеческие тени, а потом, подняв глаза на дверной проем, увидеть и парочку незнакомцев.

— ...Не брешь, ничего там не светится! — четко произнес один из них, заглядывая внутрь усыпальницы с лампою в руках. — А дверь, видать, сроду не запирают.

— Ежель не запирается, то и брать там нечего! — заметно волнуясь, ответил второй.

— А ты почему знаешь? — хмыкнул первый. И, подняв руку с лампою над головой, начал спускаться в усыпальницу. — Местное дурачье, что с них взять...

И второй, помедлив, все же присоединился к нему. Спустились они медленно, но неотвратно, с каждой ступенькой приближаясь к детям. Они уже были внизу и по-своему оглядывались в темноте, когда девочка осознала, что Кон грубо дергает ее за локоть, приказывая нагнуться. Бежать куда-то не было смысла: дети присели на корточки здесь же, возле гроба колдуна, притаились в его тени и замерли.

«Увидят... как пить дать увидят...» — не сомневалась Лара.

Незнакомцы шумно и без опаски, не теряя времени на чтение надписей, сдвигали громоздкие крышки со всех подряд гробниц. Те падали, иногда раскалываясь. Искали ценности. Усыпальница графская, богатая, — разумеется, здесь было чем поживиться, это даже Лара понимала. Дети мало что видели из своего укрытия, но слышали каждое слово. Слышали, как радовались вероломные незнакомцы, находя фамильные кольца или нитку жемчуга. Слышали, как скабрёзно комментировали, снимая их с тел мертвецов...

И, рыская, кажется, в той самой гробнице последнего из графов, они нашли что-то невероятно ценное — ежели

судить по радостным возгласам. Сундук, набитый золотом, не иначе — Ларе не было видно, но она воображала именно сундук...

— Гляди, что за чудная вещица! — Слышала она голос над самой головой. — Медальон, никак!

— А ну дай сюда...

— Я первый увидал, отдай!

Воры загалдели: вот-вот начнется драка...

А Лара, сидя на каменном полу и обхватив колени, вдруг почувствовала дуновение легкого ветерка. Не сырого, могильного, а самого что ни на есть свежего. Будто с моря. Что-то изменилось, без сомнений. Набравшись храбрости, Лара ухватила пальцами за холодный камень гробницы и чуть-чуть выглянула из-за укрытия.

И тогда девочка увидела Ворона. Того самого, бывшего некогда каменным. Важно вскинув голову, он стоял на верхней ступеньке освещенной луною лестницы и сердито глядел на воров. Те, на беду свою, его не замечали.

Ворон снова вспорхнул бесшумно, будто бабочка. И, иссиня-черный, тотчас потерялся во тьме подземелья. Ненадолго. Чтобы через миг рассыпаться серебряной пылью, собраться в угрожающую тучу аккурат над головами воров и — обрушиться на них, будто тяжелая морская волна.

Горе тому, кого застанет Ворон за недобрым делом...

Лара тысячу раз слышала легенду о Вороне, охраняющем свои владения, но нынче видела все воочию.

Одного швырнуло на стену с каменной кладкой — точно возле перепуганных детей. Умер ли он сразу? Лара видела кровь, струйкой вытекающую из уха, и безжизненные глаза, которым уж ни до чего не было дела.

А что случилось со вторым? Этого Лара не знала. Мир ее — звуки, запахи, все устремления — сузился вдруг до золоченого медальона с диковинным узором, выгравированным по его окружности. Тот самый медальон, что покоился в безвольной руке убитого вора.

Не помня себя, не зная, зачем ей это, девочка потянулась к украшению, мучимая одним желанием — завладеть им и никогда не выпускать из рук. Лишь на миг она подняла глаза на лицо мертвеца и успела заметить — мальчишка. Едва ли много старше их с Коном.

А после все-таки схватила украшение. Прижала к груди, как величайшую ценность.

— Пойдем же, пойдем! — тянул ее за локоть Кон.

Он уже не шептал, кричал — по-видимому, путь был свободен. Лара не сопротивлялась ему, но будто обессилела. Ноги не слушались, а глаза не видели ничего, кроме добытого украшения.

Только на лестнице девочка опомнилась. Снова почувствовала страх, снова ее коленки начали подгибаться.

— Вдруг он жив, надо вернуться... — оглянулась она на темное подzemелье.

Тела мальчишки, скрытого графской гробницей, она теперь не видела — зато на крышке той самой гробницы сидел Ворон. Черные глаза отражали лунный свет, и он отвечал девочке прямым серьезным взглядом. Осмысленным взглядом.

«Ведь он именно что медальон не пожелал им отдавать... — осознала она, — только медальон. До прочего ему не было дела. А мне отдал...»

Еще минута — и дети выбрались наружу. Но Лара так и не поняла в тот день, отчего Ворон позволил ей унести медальон. Почему не наказал за кражу, как того вора?

Она поняла это только много лет спустя, став уже взрослой девушкой. Когда, резко очнувшись ото сна, все еще слышала голос, бывший не чем иным, как голосом последнего графа Ордынцева:

— Не отдавай. Не отдавай. Не отдавай...

Она часто за эти годы слышала сей голос. Во сне. Не всегда он говорил о медальоне, но сегодня речь шла именно о нем, Лара это знала.

Потому-то, резко откинув одеяло и не обув даже туфель, она первым делом бросилась к зеркалу, в ящике возле которого хранились немногочисленные ее украшения. Там завернутым в шелковый платок она уже десять лет хранила тот самый медальон.

Лара осторожно погладила подушечкой пальца замысловатый узор, что шел по окружности. Завороженная тем узором, она не всегда могла разглядеть рисунок, выбитый на крышке, — он становился виден лишь под определенным углом. Это была расправившая крылья вольная ласточка, что устремилась ввысь на золотом круге медальона.

А ежели повернуть украшение еще чуть-чуть, то ласточка волшебным образом обращалась в ворона, чинно сложившего крылья.

В детстве Лара могла часами играть, и так и эдак поворачивая медальон к свету и сама для себя решая — какой из рисунков ей нравится больше. Она и сейчас едва верила, что владеет этой красотой всецело: столько лет прошло, а желание обладать им ничуть не стало меньше.

Разумеется, она никому не собиралась отдавать медальон. Он ее, только ее! Ведь не случайно же она носит эту фамилию — Ласточкина.

Ей было суждено его найти, не иначе.

Глава 1

ЖЕРТВА

Этот был уже шестым. Рахманов, незаметно отстав от группы полицейских, вдруг и вовсе остановился. Прикрыл глаза и растопырил ладонь, чуть касаясь пальцами выросшей по пояс южной травы. Глубоко втянул носом еще прохладный поутру воздух. Медленно выдохнул. Видения, сменяя друг друга, как картинки в калейдоскопе, помчались, не давая, как всегда, толком ни на чем сосредоточиться.

Но главное Рахманов уяснил: этот действительно был шестым, но лишь с начала года. Были и другие жертвы — прежде.

Он скорее нагнал своих, опередил их и первым подошел к границе круга, очерченного золой. Круг не малый, шагов десять поперек будет. Рахманов, без сомнений, сей круг видел прежде; видел и пять костров внутри его, равноудаленных друг от друга. Видел не на карточках, потому как в сыском отделении полиции Тихоморска до сих пор не имелось ни фотографического аппарата, ни человека, умеющего с ним обращаться. Сыскому отделению всего-то было без малого год.

Рахманов даже выставил руку, вполне серьезно опасаясь, что местные сыщики по незнанию могут затоптать следы.

А затоптать здесь было что: по кругу отлично читалась вязь из замысловатых символов. Это был до того знакомый

и часто мелькающий в воспоминаниях рисунок, что вид его тотчас отозвался вспышкой головной боли. Так бывало, Рахманов давно привык, не придав значения. Опустился на колени, набрав полную пригоршню золы. Мигрень тотчас усилилась, но вместе с нею поплыли видения одно за другим — теперь уж медленные, тягучие, в которые Рахманов падал, словно в яму. И вот он уже ясно, своими глазами видел, что произошло здесь ночью... нет, прошлой ночью.

Видел с высоты птичьего полета круг, очерченный золой, вязь по кругу и пять еще горящих тогда костров, а в центре на траве — мужчина в белой сорочке, распахнутой на груди. Молод, с черной щегольской бородкой, модно остриженный. Одет богато, даже со столичным шиком — хотя костюм и выглядел нынче не лучшим образом. Не из-за убийцы, нет. Мужчина кутил всю ночь в кабаке с ворами и прохвостами, а пил он из-за женщины, что часто и с удовольствием давала поводы себя ревновать.

Как его привели сюда, покамест оставалось скрытым.

Но он видел лицо — еще живое, хоть и искаженное ужасом. И глаза, что не замечали ничего, кроме занесенного кинжала. Диковинное оружие, непростое. И рука, что сжимает его, тверда и уверенна...

— Ваше благородие, разрешите к осмотрам приступить?

— Что?.. — Рахманов очнулся. Окинул рассеянным взглядом того, кто его потревожил. Это был Горихвостов Прохор Павлович, начальник местного сыскного отделения.

— К осмотрам, говорю, разрешите приступить? — повторил тот. — Али красотами нашими залюбовались?

«Молод очень для начальника, оттого, видать, и дерзок», — вскользь подумал о нем Рахманов и тут же забыл. Снова попытался сосредоточиться на руке, заносившей кинжал. Без толку на сей раз.

— У вас, ваше благородие, кровь носом пошла, — не дождавшись ответа, снова заговорил Горихвостов. — Непривычны, видать, к нашему пеклу.

Говорил он свысока, скрывая насмешку лишь из вежливости и не очень-то в том преуспевая. К свалившемуся как снег на голову сыщику из Петербурга Горихвостов, конечно, относился с раздражением.

— А.. благодарю, — Рахманов, чувствуя неловкость, принялся наскоро утирать кровь, запрокинул голову. Это тоже не было редкостью, потому в кармане всегда имелся свежий платок.

Знакомый рисунок, очень знакомый... однако при попытке сосредоточиться на нем еще раз вспышка головной боли оказалась столь сильной, что Рахманов не сдержался. Шумно, через зубы, втянул воздух. Разумнее поберечь силы для осмотра самого тела. А пока что, уняв кровь, он вынул блокнот с карандашом и быстрыми уверенными линиями принялся зарисовывать вязь по кругу. Вслух же распорядился:

— К опросам очевидцев можете приступать, а место происшествия пускай не топчут покамест.

— Опросили уж. Вон те трое, — Горихвостов кивком указал на группу зевак в стороне, — поутру, в половине пятого, как на сенокос явились, увидали. Да не признали, кто таков. Не местный тип: загару нет, ежели на кожу с внутренней стороны рук поглядеть. И это первое отличие от прочих пяти случаев.

Рахманов отвлекся от рисунка и снова поглядел на Горихвостова — теперь более внимательно. Не сами добытые сведения его заинтересовали, а то, что начальник сыскного отделения обнаружил некоторую компетентность.

— Есть и второе отличие? — спросил он, буровя начальника сыскного отделения изучающим взглядом — пытаюсь проникнуть в самую душу и понять, что он есть за человек.

Обычно это получалось — вышло и на сей раз.

Рахманов увидел ночное небо и маленький Тихоморск под ним, домишко, принадлежащий Горихвостову, и его самого. Жены нет, детей тоже. Именно Горихвостов первым, еще в марте, обнаружил, что три убийства, свершенные